

Максим Горький

Ералаш

Максим Горький

Ералаш

«Public Domain»

1916

Горький М.

Ералаш / М. Горький — «Public Domain», 1916

«Трое рослых татар, с заступами в руках, молча уравнивают упругую землю – съезд к парому. Один возится на самом пароме, расковыривая ломом доски, еще один – мешая ему – метет паром измызганной метлой, ими тихо командует статный юноша в лиловой тюбетейке – у него очень белое лицо, большие грустные глаза и ярко-красные губы. Я сижу на скамье у ворот постоянного двора, люблю тихо-умной работой татар, голубями, – на душе у меня удивительно хорошо, точно я сам сделал всё это: солнце, небо, землю и всё, что на ней. Недурно сделал и тихонько радуюсь...»

Максим Горький

Ералаш

Прошла по полям весна, оставив за собою голубые следы – лужи талого снега; расковала речку Студенец, бежит речка мимо села Тулунги, закидывая на черный масляный берег цепкие волнишки, смывая сухие стебли подсолнухов, – в мутной воде кувыркаются мохнатые комья корней.

Тепло вздыхает ветер, стремясь за рекой, покрывая воду золотистой рябью; на берегу покачиваются таловые кусты, распуская почки, некоторые уже раскрылись, – на солнце трепещут желтоватые мотыльки новорожденных листьев.

Над бархатом черных полей, над серебряными пятнами луж стоит голубоватый парок, – влажное дыхание оттаявшей земли. Круг земной свободен, широк, уютно накрыт шатром небес; над селом и полями царствует апрельское солнце, – небо расцвело огненным цветом. Полдень; тепло и радостно.

За рекою, на взгорье, празднично высветлилось богатое село; на одном его конце встала в небо колокольня, – плавится на солнце золоченый крест; на другом, красивой булавою, поднят минарет мечети. Вокруг колокольни вьются белые голуби – точно веселый звон превратился в белых птиц. В селе тихо и пусто, – только голуби да колокольный звон, а люди ушли навстречу иконе богоматери, – ее несут в город из древнего монастыря за тридцать верст от Тулунги.

Трое рослых татар, с заступами в руках, молча уравнивают упругую землю – съезд к парому. Один возится на самом пароме, расковыривая ломом доски, еще один – мешая ему – метет паром измызанной метлой, ими тихо командует статный юноша в лиловой тюбетейке – у него очень белое лицо, большие грустные глаза и ярко-красные губы. Я сижу на скамье у ворот постоянного двора, люблюсь тихо-умной работой татар, голубями, – на душе у меня удивительно хорошо, точно я сам сделал всё это: солнце, небо, землю и всё, что на ней. Недурно сделал и тихонько радуюсь.

Постоялый двор держит Устин Сутырин, мещанин из Темрюка, маленький человечек, суетливый, как цыпленок; ему помогает сестра, грудастая мелкозубая баба с плутоватыми глазами, работница, рябая и огромная, и такой же огромный рыжебородый татарин; под этими двумя – земля гнется.

Все они начали шуметь и вертеться с рассвета: пекли, варили, ругались, устраивали столы на улице, под окнами широко развалившейся пятиоконой избы. Я пришел сюда вчера днем, а вечером написал Устину ядовитое прошение на мужиков, которые украли у него жмыхи и убили борова, – прошение очень понравилось Сутырину, особенно пленился он словами: «А посему и принимая во внимание».

– Круто завинчено! – восхищался он, осматривая меня бойкими глазами веселого жулика. – Ты, парень, останься у нас на завтрее, – завтра веселый день у нас, владычицу встречаем, ералаш будет!

Теперь Устин, босой, в синем жилете поверх кумачной рубахи, оводом носится по двору, по улице и командует, сбивая с толка всех своих помощников.

– Ясан, – слепой ты али что? Как ты козлы устави? Тыщу лет живете, шайтаны... Дарья, – стой, – куда весы, кто велел?

Со двора павой выходит сноха Устина, Марья, синеокая вдова, – муж ее два года тому назад, в день зимнего Николы, убит в честном бою с татарами на реке Студенец. Вдова одета празднично: на ней синий жакет, желтая, с зелеными цветами, юбка, козловые башмаки с подковами и пунцовый платок на светлых волосах. Устин, поперхнувшись словом, глядит на нее, открыв рот, точно впервые увидал, глядит и восхищенно бормочет:

– Выпялилась, – дама козырей!

И тотчас же неистово орет:

– Куда-те поманило, а?

Надвигаясь прямо на него, она спрашивает сочным голосом:

– Ну, а што?

– Ер-ралаш, – отмахнувшись от нее, кричит Устин и убегает во двор.

Юноша-татарин поправил тюбетейку и вынул из-за пазухи кожаный кисет; женщина, подняв сзади юбку на высоту спины, села рядом со мной, вздохнув:

– Тепло!

О том, кто я, откуда, куда иду, – она выпросила меня еще вчера, и теперь ей не о чем говорить. Сидит и дышит, равномерно приподнимая высокую грудь, синие глаза скошены на татарина, он поглядывает на нее и курит маленькую трубочку. Ласково плещется река, звенят невидимые жаворонки. На дворе непрерывно гудит басовитый голос сестры Устина, надрывается его тонкий голосок. Среди грязной дороги, на сухом сером островке, сидит собака и, вывесив язык, смотрит, как в зеркало, в лужу. Жарко ей на солнце, а уйти, видимо, лень. Исступленно свистят скворцы, где-то далеко за селом щелкает плеть пастуха, а в селе тонко плачет ребенок. Легко, точно детскую коляску, Ясан выкатил со двора телегу на железном ходу, накрыл ее досками, разостлал на доски рядом и, подняв оглобли, пристраивает к ним весы. Юноша тихонько говорит ему что-то.

– Йок, – мрачно ответил Ясан.

– По-ихнему – ёк, а по-нашему – нет, – просвещает меня соседка и спрашивает работника:

– Чего он?

– Не снай.

– А сказал – нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.